

О Климе Самгине.

Максим Горький является одним из наиболее ярких наших писателей. Не будучи в полном смысле этого слова пролетарским писателем, стоя особняком во всей русской литературе, он, однако, своим творчеством—ярко-свободолюбивым, бунтарским, таким «человеческим»—созвучным настроениям, чувствам и думам социальных низов, темными своим проливом делит и освещает социальным вопросам быт до революции очень близок пролетариату, ближе чем какой-либо другой писатель той эпохи.

Такое отношение к Горькому, как к любимому писателю рабочего класса, в какой-то степени сохранилось и после революции. Несмотря на его нападки и колебания. Выход каждой его новой книжки является событием, литературным, а иногда и общественным событием, которого ожидают, о котором долго и много пишут.

Такое особое положение Горького объясняется в особой искренности и правдивости каждого пишущего о нем критика.

Поэтому мы со всей откровенностью должны сказать, что последнее произведение Горького—I часть повести «Жизнь Клима Самгина» (серия лет)

едва ли можно считать новым писательским успехом Максима Горького.

Чтение этого 500-страничного тома вызывает досадное и разочарованное нетошнотное впечатление: спрашивается себя, к чему понадобилось Горькому на протяжении стольких страниц подробнейше описывать бесцветное, по живое, ничтожное существование (но не жизнь) страдающего духовной «олейной немощью» незадачливого Клима Самгина, спрашивается себя и не находишь этому законно возникающему вопросу ответа.

Конечно, в этом томе есть и прекрасные, горьковские места, но они не связаны с основной линией повествования, выпадают из общего плана.—по таким страницам немного, они тонут в потоке сотен сорных страниц, от которых рябит начинает в глазах читателя.

Одним из лучших мест являются места, посвященные описанию детства Клима Самгина: и он сам, и брат его Дмитрий, и Лидия, и Борис Варавка—получились вполне реальными, живыми детьми, духовный мир их ярко и художественно обрисован.

В повести изображена острая социальная народническая интеллигенция 80-х годов, помещица и раз-

грим первого движения в народ («успевшей крылья, осевшей на презренной земле и исходявшей слюной бесконечных зловопений, философствований, никому и ни к чему ненужных, —среда глубоко мешаниная и духовно вполне вбогая).

Горький подробнейше описывает эти скучные «уездные» вечера, подробнейше приводит застольное на личные и общественные темы («судаченья» своих героев (иначе и не называй эти бесцветные, вялые, чуть-чуть теплые разговоры и разговорчики).

Мало-мальски живым и положительным типом,—и то только известной цельностью, некоторым пафосом деятельности и энергии, «силой»—представляется как бы противопоставленная этому тиньковому застойному груду—фигура инженера Варавки—дельца-предпринимателя кулацкой складки, в то же время и общественного думского дельца капиталистической формации, чем то напоминающего яркую фигуру Ильи Артамонова из «Дела Артамоновых».

Зато все эти как-то странно знакомые и известные читателю: юродивый писатель «из народной жизни» Кадия, не менее юродивый учитель Толмачин с его двумя правдами—правдой-лестницей и правдой-справедливостью, классическая приживала Таша Кулибаба, трагический доктор Соков, веле-

рливый «приемный» отец Самгина, нереальный «заговорщик» Яков Самгил.—все они так живы, так необходимы, так не лишны и так убийственно скучны.

Правда, мало веселого и яркого было в жизни русской интеллигенции 80-х годов, но прав был один из критиков, указавший, что для того, чтобы углубить читателя почувствовать эту скуку, не к чему было заставить его натуралистически скучать над изображением ее.

Со студенческими годами Клима Самгина, которые, следуя за ростом своего героя, описывает Горький, обстоят не лучше. Этот бесталанный, без намека на какую-нибудь искорку, во всем заранее разочарованный, ни к чему не чувствительный, копошащийся в проблемах своих любовей и любовников, с какой-то робостью кровью,—этот субъект, разрезаемый психологической рефлексией, непонятно почему «любящий» марксизм,—обружен какими-то незлыми чудачками, среди которых единственным живым человеком расцвечивается горьковский тип—заблудившийся купеческий сын Лютов.

С женскими типами—не лучше. Центральная женская фигура—Лидия Варавка изображена какой-то «диабольской» женщиной, удивительно нежизненной, надуманной.

Описания Ходышки и Нижегородской выставки 1896 г. удивительно почему-

то напоминают амфиатровских «девятисотников»,—творение, едва ли заслуживающее претендовать на особую художественность.

Заключительная же сцена вызывает сильнейшее недоумение. Эта фигура «отец молодого, тиньковского, с красивым, мягким лицом», с сапфировыми глазами, виновато улыбающегося Николая II.—фигура, до сего времени слаборезного Клима Самгина.—так необычна для Горького и удивительно неуместна.

Противопоставляемый же этому младенчику образ «хозяина» (?)—китайского губернатора Ли-Хун-Чага (заключившего с царским правительством договор о сдаче в аренду Порт-Артура и Дальнего), от которого отдает духом реакционернейшего панмонголизма и проповеди Вильгельма II о «желтой опасности».—способен и во все смутить читателя.

Скоро начнет печататься вторая часть «Жизни Клима Самгина». Посмотрим, не разрешит ли она все недоумения и вопросы, которые вызывает первая. Во всяком случае, одно можно уверенно сказать: «Жизнь Клима Самгина» не является новым достижением Горького. Она является неудачей, которая, конечно, ни в какой мере не умаляет значения и ценности Горького, как нашего величайшего современного писателя.

Занжский.